

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

УДК: 316.7 (316.3)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН-КИТАЯНОК В УСЛОВИЯХ АМЕРИКАНСКОЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЭМИ ТАН)

М.В. Беликова¹, О.И. Клочкова²

*¹ Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), Москва, Россия,*

*² Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
e-mail: beladm09@mail.ru, kl_o_i@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-09

Современная культура ставит человека в сложные условия: она требует от него готовности к постоянному изменению, к усвоению очень быстро изменяющейся парадигмы развития общества и личности в нем, но одновременно заставляет сохранять значимые для многих поколений этнического сообщества смыслы и ценности и уважительно относиться к ним. Китайской цивилизации удается вести диалог с другими «культурными кодами» и даже осуществлять его по собственным правилам, сохраняя свои этнокультурные особенности, свою идентичность. Присвоение личностью этнокультурных особенностей представляет собой составную часть процесса социализации, включающего и гендерную идентичность. Американская писательница китайского происхождения Эми Тан своим творчеством утверждает, что через

обретение «генетической родины» внутри себя и конструирования на этой основе новой гендерной идентичности женщина в условиях мультикультурного общества получает возможность находить ответы на самые важные вопросы, объясняющие смысл ее существования.

Ключевые слова: этнокультурные характеристики, этническая идентичность, гендерная идентичность, культурный код, мультикультурная парадигма, мультикультурное общество, полиэтничное общество

ETHNOCULTURAL FEATURES OF THE GENDER IDENTITY OF CHINESE WOMEN IN THE CONTEXT OF THE AMERICAN MULTICULTURAL PARADIGM (USING AMY TAN AS AN EXAMPLE)

M.B. Belikova ¹, O.I. Klochkova ²

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population —
Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution Federal Center
of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISESP FCTAS RAS), Moscow, Russia,
²Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia,
e-mail: beladm09@mail.ru, kl_o_i@mail.ru

Modern culture puts a person in difficult conditions: it requires his readiness for a constant change, to the assimilation of a very rapidly changing paradigm of the development of society and personality, and, at the same time, forces to preserve and respect meanings and values significant for many generations of the ethnic community. Chinese civilization is able to conduct a dialogue with other “cultural codes” and even exercise it according to its own rules, while maintaining its ethnocultural features, its identity. The acquisition of ethnocultural features is an integral part of the socialization process, including gender identity. The American writer of Chinese origin, Amy Tan argues in her work, that through the finding of the “genetic homeland” within itself and designing a new gender identity, in the conditions of a multicultural society a woman gets the opportunity to find answers to the most important issues that explain the meaning of its existence.

Keywords: ethnocultural characteristics, ethnic identity, gender identity, cultural code, multicultural paradigm, multicultural society, multi-ethnic society

Исследователи различных направлений мирового научного дискурса многократно указывают и комментируют такие характеристики развития общественных систем на современном этапе, как: направленность на глобализацию, «размытость» значимости традиционных ценностей отдельной национальной культуры, а также трансформацию образцов маскулинности и феминности, сложившихся в рамках определенной культуры под влиянием социально-экономических и политических

изменений. Эти тенденции в локальном и в общемировом масштабе приводят к разнокачественным итогам и, как следствие, к многочисленным спорам на предмет того, должна ли та или иная локальная культура сегодня, как и отдельный ее представитель, отстаивать собственную этническую идентичность, а также поддерживать приоритетное положение этнокультурных особенностей в формировании гендерной идентичности либо идти по пути мультикультурных сообществ, нивелирующих отличительные этнокультурные характеристики и вырабатывающих через унификацию и стандартизацию новые ценности и гибридные идентичности. Поиск ответа подводит к исследованию роли и места национально-культурной составляющей в процессе социализации современного человека в условиях «генетической» этнической среды, а также проявления различных типов этнической идентичности в формировании новых моделей гендерной идентичности в условиях западного поликультурного общества.

Содержание понятия этнокультурных особенностей традиционно составляют отличительные компоненты этнической культуры, усваиваемые человеком (группой) и характеризующие принадлежность к данной этнокультурной общности: язык, религию, традиции, культурные ценности, ментальные стереотипы, образ жизни, нормы поведения.

По утверждению исследователей Ш. Шварца (2008: 32–37), С.Б. Дагбаевой (2015: 122–127), этнокультурные особенности и ценностные ориентации призваны помогать решению основных проблем регулирования человеческой деятельности, а также обеспечивать сохранение стабильности общественной жизни, солидарности социальных групп: Шварц видит в них стимулы и ожидания, а Дагбаева — психологический фундамент этнической социализации. В целом присвоение личностью этнокультурных особенностей представляет собой составную часть процесса социализации, включающего и гендерную идентичность.

Гендерная идентичность определяется И.С. Коном в качестве базовой структуры социальной идентичности человека, при этом важным обстоятельством остается самоопределение человека как члена мужской или женской группы (Кон, 1982). Нидерландский социолог Г. Хофстеде также считает, что гендер (мужественность/женственность) формируется как социальное качество (социальная роль) и соответственно, являясь одним из культурных признаков, формирует стиль поведения, мотивационную направленность и саму личность как таковую (Hofstede, Hofstede & Minkov, 2010: 137–187). Таким образом, гендерная идентичность будет рассматриваться здесь как форма социальной идентичности, поскольку гендерные представления и оценка своего поведения человеком с этих позиций формируются с учетом этнокультурных особенностей, традиций, норм, ценностей, образа жизни того или иного этнического сообщества.

Исследование проблемы этнокультурных особенностей гендерной идентичности в данной работе с привлечением анализа литературно-художественного творчества, с нашей точки зрения, вполне может быть оправданным. На сегодняшний день большое количество исследователей описывают формирование и проявление этнической идентичности современного восточного человека, про-

живающего на территории своей этнической общности (В.Г. Буров, Н.А. Спешнев, Е.А. Авходеева, Л.С. Васильев, Н.И. Мигунов и О.В. Мигунова, Ту Вэймин, А.С. Каимова, И.И. Грузинов, Ю.А. Ишутина, Е.В. Ковтун, В.В. Малявин, К.-Х. Пол, Сюй Хунбо, А.М. Телешевская, Чжу Жуйшуан и др.). Немало также авторов раскрывает различные аспекты проблемы и особенности процесса формирования и сохранения этнической самоидентификации в условиях западного общества, в том числе китайско-американскую гибридную идентичность (А.Е. Гришина, Е.С. Анохина, А.Г. Ларин, Р.Х. Шарипова, Я.В. Лексютина, Д. Скрипченко, Е.В. Завадская, Е.М. Бутенина, Т.А. Корнеева, А. Чанг и др.). Однако, по нашему мнению, стоит отметить определенную сложность для западных исследователей в объективном изучении и резюмировании полученных сведений относительно формирования этнической самоидентификации китайцев в условиях западного общества, поскольку китайский менталитет активно проявляется в недоверии к представителям иных культур, стремлении сохранить целостность своей традиционной культурной самобытности и в большой степени закрытости (Чжу Жуйшуан, 2015: 233–237). Для самих же китайцев (по разным причинам) рассуждения на подобные темы, и особенно о взаимосвязи этнической и гендерной идентичности, также пока представляют определенную трудность — сама сфера гендерных исследований на данный момент времени слабо представлена в китайском научном дискурсе.

В этих обстоятельствах литературно-художественное творчество Эми Тан (1952 г. р.) — американской писательницы китайского происхождения, которую критика признала «одной из ярчайших звезд отечественной [американской] литературы» (Староверова, 2005), рассматривает проблемы формирования этнической и гендерной идентичности личности под новым углом зрения: на уровне родовых, внутрисемейных межпоколенческих отношений, складывающихся в условиях мультикультурного пространства.

Среди основных идей произведений Э. Тан — описание через судьбы героев и связанных с ними исторических событий уникальности своей этнической культуры, ее ценностей и традиций; постепенное осознание героинями, рожденными в условиях иной культуры, своей тождественности с китайской этнической общностью, к которой они принадлежат генетически; понимание и оценка героинями собственной значимости как носителей неповторимого «культурного кода» и отличительных признаков гендерной идентичности, а также обладателей в связи с этим дополнительно раскрывающихся возможностей для самореализации. Безусловно, такой подход не претендует на безоговорочную степень научности и априорность выводов, ограничиваясь попыткой подойти к актуальной проблеме современности с позиций межпредметного исследования.

Проявления этнической идентичности в различных вариантах, описанные с некоторыми расхождениями Н.Р. Красовской (2020), М. В. Науменко (2013), Г.У. Солдатовой (2011: 511), — адекватная (позитивная), этноцентрическая, этнодоминирующая, этноизоляционализм, этнический фанатизм, этническая индифферентность, амбивалентная, этнонигилистическая — определенным образом характеризует систему гендерных установок, представлений и ценностей, а также наличие гендерного

баланса или дисбаланса в обществе. Не углубляясь в подробное представление этих вариантов, отметим, что приведенные здесь типы идентичности расположены в зависимости от степени выраженности личностной позиции человека по поводу своей принадлежности той или иной этнической группе — от позитивного, уважительного отношения к своему и к другим этносам до отрицания значимости этничности и этнокультурных ценностей как таковых в жизни социума. И для краткой объективной характеристики этнической идентичности китайцев из предлагаемых типов, на наш взгляд, вернее выбрать этноцентризм и этнодоминирующую идентичность (Ковтун, 2013). При этом напомним, что в определенные исторические периоды китайской культуре был свойствен и этноизоляциялизм, и этноэгоизм, а в современных условиях западных государств, придерживающихся мультикультурной парадигмы, установки этнодоминирующей идентичности китайцев заметно корректируются (подтверждение этой гипотезе найдем и в творчестве Эми Тан).

Каждый китаец, независимо от места проживания, на самом глубинном уровне сохраняет чувство принадлежности к своему народу и своей культуре, руководствуясь девизом: «Как железо затачивает железо, так и ум человека оттачивает общество» (Цит. по: Вернер, 2005). Исключений не бывает, подтверждают сами китайцы (Тань, 2004; Сюй, 2011: 190–192), поскольку все составляющие этой культурной системы имеют главной целью научить своего представителя полностью ассоциировать себя со своим этносом и оставаться «жителем Поднебесной» в любых обстоятельствах. Принципы обособления китайской этнической идентичности выдерживают давление со стороны любых внешних факторов, что было подмечено еще польским дипломатом Э. Вернером в конце XIX в.: «сосредоточившись на своей внутренней жизни, китайцы выработали безразличное или снисходительное отношение к внешним воздействиям, выше всего ценя внутренний порядок, спокойствие и стабильность, подсознательно сопротивляясь крутым переменам» (Вернер, 2005).

Традиционные взгляды и установки, считает Е.В. Ковтун, сформировали уникальное сочетание высших ценностей китайской культуры, которые и сегодня, в условиях внешнего сближения и гибридизации культур, остаются значимыми и будут стоять последними в списке на «растворение» в чужой культуре (Ковтун, 2013). Китайцы усердно и осознанно адаптируют конфуцианские традиции к современным условиям и передают их следующим поколениям, живущим не только в Китае, но и на разных территориях планеты, поскольку родина для китайцев — это и район чайна-таун в любом иностранном городе, и собственная семья. Истинный патриотизм, «конфуцианский рационализм», он же — «конфуцианский гуманизм», по утверждению китайских исследователей и обществоведов (Ту Вэймин, Сюй Хунбо, Чжу Жуйшуан и др.), продолжает помогать китайцам успешно преодолевать взаимоисключающие дихотомии: традиционное — современное, Запад — остальной мир, локальное — глобальное.

Китайцы, как и американцы (а также и другие народы), убеждены в исключительности своей нации, миссионерском предназначении своего народа и полны гордости за свою страну. Конфуцианская модель социальных отношений основыв-

вается на вере в достижение государством процветания через неукоснительное соблюдение каждым его членом закрепившихся традиций и строгих обрядовых предписаний. Соответственно и гендерные идентичности для подавляющего большинства представителей традиционного общества также носят традиционный характер (Красовская, 2020). Как отмечает российский исследователь Л.С. Васильев, в выстраивании взаимоотношений китайцы руководствуются в первую очередь не эмоциями, личными влечениями или духовной близостью, а соответствием общепринятым социальным нормам (Васильев, 1978: 58–82). Указанные принципы срабатывают и в отношении любви, брака, секса: традиционно эти явления принадлежат разным жизненным сферам и главенствующее место в глазах китайского общества занимает категория брака.

Создание семьи, как этнокультурная характеристика, воспринимается китайцами в качестве неперемennого долга перед родом, перед обществом. Продолжение рода и почитание предков всегда были важными задачами для китайцев, поскольку семья олицетворяла собой для них малое государство, где каждый в течение жизни должен был вносить свой вклад в его процветание, независимо от пола (Ковтун, 2013). Для большинства китайцев — и мужчин, и женщин — до сих пор не принято часто разводиться и менять партнеров, но при этом отношения вне брака являются довольно распространенным явлением.

Зачастую в глазах западного человека универсализация китайцами патриархальных семейных отношений выглядит сегодня устаревшей и достаточно примитивной. Однако объединение духовно-нравственных ценностей с различными семейными и индивидуальными обрядами и ритуалами остается важной основой, продолжающей объединять не только членов одного рода, семьи, но представителей этой древней уникальной национальной культуры на уровне как живущих в одно время, так и по отношению к предыдущим поколениям.

Для характеристики видоизменяющихся современных женских ролей в китайском обществе необходимо обратиться к некоторым традиционным гендерным стереотипам, господствовавшим долгое время. В центре мини-государства — китайской семьи стоял ее глава, чей авторитет был непререкаемым и абсолютным, а власть распространялась на всех членов семьи и на прислугу. Старший мужчина в семье автоматически был ее главой, хозяином, чье слово было законом. Естественные иерархические отношения как в китайском обществе в целом, так и в отдельной китайской семье — родители/дети, старшие/младшие, муж/жены/наложницы — много столетий были непреложным законом и вряд ли когда-либо становились предметом обсуждений (за исключением периода «культурной революции»). По мнению профессора Трирского университета К.-Х. Пола, несмотря на все социально-экономические изменения, в современном китайском обществе мужчина и женщина также продолжают восприниматься в рамках системы взаимоотношений, где существует более высокий и более низкий статус, определяемый в основном возрастом или достижениями, как бы это ни «камуфлировалось» внешне (Пол, 2012: 94–103).

Конфуцианские принципы строго регламентируют представления о гендерных ролях, в первую очередь мужчины: «Муж отвечает за внешние дела, а жена —

за внутренние». «Вершиной» его жизненного пути является развитие умственных способностей, которые он сможет с успехом применить для получения должности и статуса в обществе («Муж — опора семьи»; «Муж богатый, жена — почетная»). Эти представления сохраняют значимость и для современных китайцев, пишет китайский исследователь Ян Фан (2013: 250–256).

Китайские пословицы «Муж — небо жены»; «Муж поет, жена подпевает» и др. определяют традиционное место женщины в семье. Еще один китайский исследователь — Го Пинтин пишет, что традиционное неравноправие жены и мужа закреплялось даже в обращении их друг к другу: жена не могла называть мужа только по имени, а обязательно с добавлением слова, обозначающего либо социальный статус, либо чин мужа; мужчина же обращался к жене словами, которые в совокупности содержали один смысл — «бедная, нищая женщина» (Го Пинтин, 2016: 979–989).

Однако в патриархальных крестьянских семьях отношения мужа и жены часто оценивались по-иному, что также нашло отражение в народной мудрости: «В семье есть добрая жена, и муж будет перспективным», «Добрую жену взять — основа рождения почтительных сыновей и благородных внуков», «С доброй женой муж считается достойным, а со злой — ничтожным».

В этническом сознании формировались идеальные образы мужа и жены, образцы их поведения, на основе которых воспитывалось каждое новое поколение китайцев (энциклопедия «Духовная культура Китая»): «Глупец ездит на лучшем рысаке, а умелая девушка выходит замуж за придурковатого мужа», «Жена не отбрасывает глупого мужа, и муж становится лучше до ста лет», «Некрасивая жена — богатство в семье, а красивая только вызывает досаду», «Жена — золотые руки, за что ни возьмется — все успевает», «Некрасивую жену взять — муж проживет до 99 лет» (Титаренко и др., 2006). Китайцам, как и другим народам, свойственно иронизировать над семейной жизнью, над отношениями между супругами, что также находит выражение в примерах народной мудрости (энциклопедия «Духовная культура Китая»): «У пары мандаринок самих есть глубокие чувства, и при ветре и дожде они обитают в одном месте»; «Жена мужа старше на год — держится на руках золотой петух. Жена мужа старше на два года — в доме банка полна золота. Жена мужа старше на три года — держится на руках золотая кирпичина»; «Жены слушаешься — накопишь богатство» (Титаренко, 2006).

В отношении сохранения в современных китайских семьях некоторых характеристик традиционного уклада китайской семьи, а также неизбежных изменений в ней российский исследователь В. Буров отмечает: во многих китайских семьях в конце XX и в начале XXI в. сильны принципы взаимоуважения и взаимной поддержки, уважение к старшим братьям и сестрам, а также культ родителей (Буров, 2000). В этнокультурных ценностях китайцев происходит постепенная «трансформация» традиционной китайской семьи с ее патриархальным укладом, закрепленными за членами семьи ролями и безоговорочным верховенством старшего мужчины. Меняются отношения между мужем и женой, между близкими и дальними родственниками, меняется и отношение в семье к полу ребенка. Рождение мальчика

как наследника все еще остается в приоритете, но и рождение девочки уже не воспринимается негативно.

Негативные последствия внутренней политики Мао Цзэдуна, проводимой в середине XX в., с ее преобразованиями в рамках «культурной революции» и политикой рождения одного ребенка породили немало проблем, в том числе демографических, среди которых — недостаток мужчин в сравнении с преобладающим количеством представительниц женского пола. Это не только сказалось на создании традиционных семейных пар, но и качественно изменило отношения между мужчиной и женщиной. Зачастую современная молодая китайка руководит мужчиной в семье, не стыдится прилюдно показывать свое недовольство мужем (молодым человеком), уходит от выполнения домашней рутинной работы, а родив ребенка, вообще становится «центром Вселенной» (Го Пинтин, 2016: 979–989). Если в феодальном Китае девушка, не имея возможности самостоятельно выбирать себе будущего мужа, могла надеяться только на волю родителей и не смела даже мечтать о проявлении чувств со стороны мужа, то в XX в. китайская женщина получила большой шанс на выбор партнера по желанию, основываясь на чувствах и положительных качествах любимого. В XXI в. уже не только девушки, но и молодые люди много внимания уделяют чувственной стороне отношений и проявлению ответных эмоций со стороны партнерши.

Для воспитания правильного эмоционального поведения в семейной жизни китайское общество выработало и пытается сохранять определенные «образцы-идеалы»: «Хороший мужчина не бьет свою жену», «Молодые супруги сладкие, как мед, а старые супруги неразлучные, как клей и лак», «Муж и жена не помнят ненависти после ссоры». Поскольку ранее уже отмечалось, что китайцам, и молодому поколению особенно, не свойственно открытое и яркое проявление эмоций, то особый интерес вызывает понимание и проявление китайцами чувства любви.

А.В. Яськова в своей работе о представленности концепта «любовь» в китайской культуре пишет, что для китайцев она представляется чувством глубокой привязанности к человеку, основанным на симпатии и половом влечении, но в большей степени связанным с желанием заботиться, сочувствовать, жалеть и оберегать другого (Яськова, 2017: 237–245). Как пишет автор, в историческом контексте любовь ассоциировалась у китайцев с проявлением человечности, гуманности и доброты как таковыми, но редко имела отношение к чувству между людьми. В современном китайском обществе это понятие стало включать в себя отношения между мужчиной и женщиной на основе влечения. Однако китайцам до сих пор мало свойственно «ослепление» от любви, поскольку конфуцианское наследие еще продолжает сохранять свои позиции жесткого регламентирования общественными рамками жизни любого человека. Проведенные социологические эксперименты с участием китайской молодежи (студентов) позволили автору сделать вывод о сохранении молодым поколением китайцев многих нравственных ориентиров традиционного закрытого общества — стеснительность, порядочность, уважительность, дружелюбие, уважение и трогательная забота о близких.

Важными ценностными установками внутри семьи также продолжают оставаться честность супругов, ответственность друг перед другом и особенно мужа перед женой. И хотя, как уже отмечалось, распространенной нормой в Китае до сих пор считается заключение брака только один раз, сегодня немало китайцев, особенно проживающих на территории европейских стран или США, считают развод и вступление во второй брак допустимым явлением, хотя говорить об этом открыто не считается этичным.

Для немалого количества молодых китайцев сегодня заключение брака не имеет главной целью продолжение рода, хотя это и немаловажно, но основывается он уже на взаимной любви и стремлении к счастью. И, конечно, институт брака не выдвигается обществом в качестве единственной «формы» проживания взрослым человеком своей жизни, а незачленение брака или нежелание заводить детей не вменяется людям в вину (Почагина, 2009).

Резюмируя предыдущие рассуждения, а также мнение исследователей Е.Б. Кузьменко, И.А. Скворцовой и Н.С. Терешковой (Кузьменко и др., 2015: 99–102), можно выделить характерные тенденции последних десятилетий в развитии китайской семьи и сделать вывод об утверждении новых этнокультурных особенностей этого феномена в целом:

- уменьшение количественного размера семьи;
- «вестернизация» (преобразование традиционных, исторически сложившихся принципов создания и функционирования семьи под влиянием западных ценностей);
- изменение ролей членов семьи, отношений между ними и положения ребенка в семье;
- качественная трансформация внутрисемейных моральных и нравственных принципов и правил поведения;
- утверждение брачных отношений эгалитарного типа.

Эти факторы дополняются условиями проживания китайских иммигрантов в рамках инокультурного пространства (в нашем случае — американского) и приводят к изменению места и значимости этнокультурной памяти в выработке новых способов самоидентификации личности и конструировании гендерной идентичности. И если ранее китайцы пытались сохранять свою идентичность в рамках чайна-тауна, оберегая ее от неблагоприятной американской действительности, то в нынешних условиях лояльности и гибридизации культур способы этнической и гендерной идентификации значительно видоизменяются, дополняются и преобразуются. В этом смысле перед китайцами возникает проблема сохранения этнической уникальности не только из-за «внешней угрозы» в виде глобализации и всеобщей унификации, но и из-за «угрозы внутренней» — утраты присутствия национального самосознания в каждом представителе этноса, не важно где проживающем (Анохина, 2012: 51–54).

В романах Эми Тан также повествуется о китайских корнях героинь и героев и поднимаются проблемы взаимоотношений между помнящей традиционное китайское воспитание матерью и воспитанной в свободном американском обществе

дочерью, но «стиль отстаивания» жизнеспособности китайской этнокультурной памяти иной — более мягкий, без острого противопоставления современности, с привлечением приемов мифологизации. С одной стороны, это может восприниматься как превосходство в определенном смысле американской системы ценностей, более приспособленной к задачам, диктуемым глобальными процессами. С другой стороны, присутствие традиции в любом варианте — это необходимость, фундамент для любых инноваций и совершенствования, отстаивание собственной уникальности.

Как упоминается в открытом источнике¹, традиционное для китайской патриархальной семьи неравноправие мужчины и женщины долгое время сохранялось и в укладе семей. Приспосабливаясь к условиям биполярного пространства и усваивая основополагающие коды той культуры, в которую были погружены в силу обстоятельств — ее смыслы, ценности, схемы восприятия, формы выражения и воспроизведения, китайские иммигранты поначалу должны были просто научиться ориентироваться. На этой стадии лиминальности (по А. Геннепу) большая часть иммигрантов оставались «транзитными путешественниками», находясь в амбивалентном состоянии, как пишет Л.И. Фусу (Цит. по: Фусу, 2018: 143–148). «Первая природа», закодированная в культурной памяти китайцев, и сейчас продолжает оставаться если не первой, то очень значимой и основательной. У представителей старшего поколения китайцев (и в Китае, и за рубежом) сегодня еще сохраняется разное отношение родителей к сыновьям и дочерям: мальчик считается продолжателем рода и хранителем его традиций, а девочка — временным членом семьи. Современные девушки-китаянки, живя на Западе, получают хорошее образование и отвечают принятым в этом обществе стандартам, но при этом в семье они могут быть не на первом месте. Тем не менее трансформация представлений о феминности в западном обществе неуклонно ведет к изменению гендерных стереотипов и роли женщины в китайских семьях — она даже может становиться главой семьи и выполнять эту функцию при отсутствии мужчины.

В произведениях Эми Тан («Клуб радости и удачи», «Кухонный бог и его жена», «Сто тайных чувств», «Пройти по краю мира», «Долина забвения») и матери, родившиеся и прожившие большую часть жизни в Китае, и их взрослые американские дочери являются одинаково самостоятельными женщинами, но их самостоятельность «разнокачественная», что и порождает конфликты между ними. Это не просто «традиционно конфликтные» для всех общественных систем внутрисемейные и межпоколенческие отношения — матери и дочери являются носителями различных культурных кодов. Автору удается убедительно показать столкновение традиционных ценностей китайской гендерной идентичности, которые остаются значимыми для китайских матерей, и новых гендерных установок и представлений, носителями которых являются дочери.

Американские дочери не стремятся быть искренними и доверять матерям свои переживания и размышления, считая своих матерей подавляющими их свободу и индивидуальность. Дочери не принимают многого — нежелания матерей

¹ <https://usa.e-migration.ru/istoriya-ssha/kitajcy-v-ssha.html>

хорошо выучить английский язык для полноценного общения в американском обществе, а также их приверженности китайским традиционным взглядам на отношения женщины с мужчиной, на воспитание детей; навязчивого напоминания своим дочерям об их этнических корнях и традиционных стереотипах поведения и миро-толкования; пресловутой китайской меркантильности и бесцеремонности.

Матери же отчаянно пытаются сберечь все китайское — и духовное, и материальное. С их точки зрения, отличающейся традиционным китайским непреодолимым этноцентризмом, все, что принадлежит их родной китайской культуре, много важнее и практичнее того, что предлагается чужой американской культурой. И под этим «натиском» материнских сомнений, упреков, претензий успешная социализация их американских дочерей «дает сбой». Все дочери в какой-то момент, в силу случившихся обстоятельств, начинают видеть живущих или уже ушедших матерей с других, более значимых и уважительных позиций.

Постижение того самого китайского «аксиологического ядра» (этнокультурных особенностей) через жизнь обычного, хотя и очень близкого, человека помогает героиням, живущим в американском окружении, открывать новый мир — мир далеких и малопонятных предков, малознакомого культурного кода, находить тем самым смысл и объяснение собственной женской «природе» и собственному существованию. Этот непростой путь сопровождается поиском баланса между прошлым и будущим — не только на уровне жизни отдельного человека, но и целых культур (Корнеева, 2018: 111–116).

Этническая идентичность в романах Э. Тан, по Е.А. Авходеевой, проявляет себя на разных уровнях: в построении сюжетной линии, во включении в нее мифологических элементов, в характерах, мироощущении, поступках и размышлениях героев, в выстраивании ими взаимоотношений, в стереотипном повседневном и ритуальном поведении героев различных возрастов, в эстетических паттернах (Авходеева, 2014: 32–37), в особенностях коммуникативного поведения героев в присутствии национальных традиций — соблюдении религиозных и бытовых обычаев, исполнении женской роли в семье и в обществе, в описании китайской национальной кухни. Каждая книга содержит как общие маркеры этнической идентичности, так и уникальные особенности жанрового, композиционного и стилистического изложения материала, символики, образности, языка.

В сюжеты произведений постоянно вплетаются отступления в личное прошлое матерей, в реальную историю китайского народа, в мифологическую основу китайской культуры и традиций. Все это воспринимается поначалу с усмешкой или совсем не воспринимается новым поколением, живущим вне этнической родины и не нуждающимся в обретении и присвоении того самого духа народа, из которого произрастают их родовые корни. Молодые женщины не чувствуют в себе его присутствие, но оказывается, что тем самым они не чувствуют себя («подтверждение» выводов Ш. Шварца и С.Б. Дагбаевой). И в этом смысле каждая из них в какой-то момент начинает ощущать себя «не обретенной» для самой себя и для близких (как их матери для них). Им даже не интересно общение между собой, как это делают их матери, — они разобщены в этом «толерантном», «прогрессивном» и «свободном» социуме.

Для некоторых героинь становится полным откровением осознание того факта, что они изначально, по факту рождения, являются носителями каких-либо специфических качеств, передавшихся им генетически от китайских матерей, поскольку они рождены в иной культурной среде и в них вложены иные стереотипы, установки и ценности, иное понимание жизни и окружающих.

В книге «Пройти по краю мира» это сходство и единое этническое происхождение матери Лу Лин и дочери Рут подчеркивается с самого начала: «Вот что я знаю наверняка и считаю истиной... Дочь Рут — год Водяного Дракона, мать Лу — год Огненного Дракона. Они — одно и то же, но выраженное в разных стихиях». И именно в этом романе через все повествование проходит мысль автора о том, что кости «Пекинского человека» и «Пекинской женщины» — символические образы китайских прапредков — так и не найдены. Возможно, потому, что они есть в каждом представителе этого народа — они не спрятаны в земле, они возрождаются в каждом китайском характере. И это, как уже отмечалось, пока никаким влиянием извне не изменить и не отменить: «Раз ты рожден китайцем, ничего не попишешь, ты будешь мыслить и чувствовать, как китаец», — говорит китайская мама Суюань У из известного романа «Клуб радости и удачи».

Китайские матери привносят в жизнь своих дочерей то самое традиционное начало, объединяющее разные поколения людей и цементирующее отношения в семье. Молодые американские женщины, как и их китайские матери, в итоге ценят семейные отношения и родственные связи. Важной стороной жизни для них является выстраивание отношений с мужчиной, взаимная любовь и уважение партнеров, воспитание детей в полноценной семье и на традиционных ценностях. Эта тема в разных вариациях раскрывается во всех книгах Э. Тан, но особенно в романе «Долина забвения», сюжет которого построен на основной коллизии — противопоставлении традиционного семейного уклада, незыблемых требований к продолжению уважаемого, образованного, известного рода и чувствами молодых мужчины и женщины.

Сам процесс принятия традиционных китайских установок американскими дочерьми очень сложен — их внутренний мир состоит из серьезных переживаний, поисков себя и своего счастья. Безусловно, им ближе образы, ценности, алгоритмы поведения, закрепленные в американской культуре и ментальности. Они думают, говорят и поступают как американки, но повзрослев и сформировавшись как личности, заходят в тупик, не находя ответов и удовлетворения в привычных условиях и обретенных с детства знаниях. Баланс и ответы удается найти через признание в себе своей «китайской половины» и через уважительное отношение не просто к своим матерям, а к китайским традициям и ценностям. И ни одна из них не отрывается от своих этнических корней или не приходит к выводу о том, что навязываемая матерью китайская история так и останется не востребованной. Наоборот, приняв в себе китайское, героини обретают определенное спокойствие и смысл собственного бытия — к концу повествования рамки «американского мировоззрения» дочерей раздвигаются, представления о привычных вещах изменяются (как у американской девочки Оливии в книге «Сто тайных чувств») под влиянием «китайских

секретов», наполняя его восточным знанием с разного рода предрассудками, уважительным отношением к традициям, мифологичностью и мудростью.

В парах «китайская мама — американская дочь», описанных в книгах Э. Тан, именно матери помогают своим дочерям расшифровать и соединить коды двух культурных «измерений», объединив «корни» и современность, выстроить новые модели женских ролей на их основе (Прозоров, 2001: 245–250). Взгляд китайских матерей на традиционные ценности своей этнической общности бывает и критичным: например, героиня книги «Кухонный бог» признается: *«Нам не позволялось критиковать мужчин, общество и Конфуция, этого ужасного мужчину, создавшего это общество. Я могла обвинить только других женщин, у которых смелости было еще меньше, чем у меня»*. Можно предположить, что литературно-художественное творчество Эми Тан символизирует собой попытки Восточной Азии решить задачу сохранения собственных ценных духовных идей перед угрозой массового культурного поглощения, «задействуя собственные паттерны для адаптации западных знаний» (Ту Вэймин, 2014: 3–12).

Произведения Эми Тан дают возможность увидеть становление новых моделей гендерной идентичности современных китайских женщин-иммигранток, соединяющих в своем менталитете этнокультурные особенности с элементами западного «культурного кода» и обретающих новые средства и способы социализации в условиях полиэтнического общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авходеева Е.А. К вопросу о формировании механизма национально-культурной идентичности Китая. Известия ВГПУ, 2014, 8 (93), 32–37.
- Анохина Е.С. Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция. Вестник ТГУ, 2012, No. 355, 51–54.
- Бергер П., Хантингтон С. (Ред.). Многоликая глобализация. М.: Аспект Пресс, 2004.
- Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М.: ИФРАН, 2000.
- Васильев Л.С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае. В кн.: Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1978.
- Вернер Э. Мифы и легенды Китая. Пер. с англ. С. Федорова. М.: Центрполиграф, 2005.
- Го Пинтин. Репрезентация семейно-брачных традиций в русской языковой картине мира (на фоне китайской языковой картины мира). Вестник Башкирского университета, 2016, 21 (4), 979–989.
- Дагбаева С.Б. Становление системы ценностных ориентаций личности в процессе этнической социализации. Вестник КГУ, 2015, 1 (61), 122–127.
- Титаренко М.Л. (Ред.). Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Вост. лит., 2006.

Китайцы в США, семьи, традиции и численность. URL: <https://usa.e-migration.ru/istoriya-ssha/kitajcy-v-ssha.html> (дата обращения: 25.05.2021).

Ковтун Е.В. Межкультурная коммуникация и традиционные ценности в современной высшей школе Китайской народной республики. *Науковедение*, 2013, Вып. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-traditsionnye-tsennosti-v-sovremennoy-vysshey-shkole-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 28.05.2021).

Кон И.С. Психология половых различий. В кн: Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романов (Ред.). *Психология индивидуальных различий*. М.: Изд-во Московского университета, 1982.

Корнеева Т.А. Сохранение культурной памяти в условиях эмиграции (на примере романов Э. Тан). *Эпоха науки*, 2018, No. 13, 111–116. doi: 10.1555/2409-3203-2018-0-13-111-116

Красовская Н.Р. Этнокультурные особенности гендерной идентичности. *Мир педагогики и психологии*, 2020, 11 (52). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/etnokulturnye-osobennosti-gendernoj-identichnosti.html> (дата обращения: 25.05.2021). doi: 10.35634/2587-9030-2020-4-2-205-210

Кузьменко Е.Б., Скворцова И.А., Терешкова Н.С. Особенности взаимоотношений в китайской семье. *Молодой ученый*, 2015, 19 (99), 99–102. URL: <https://moluch.ru/archive/99/22345/> (дата обращения: 29.05.2021).

Науменко М.В. Особенности представлений молодых людей с различной этнической идентичностью о полотилических и кроссполотилических характеристиках. URL: https://www.confcontact.com/2013_04_11/6_Naumenko.htm (дата обращения: 25.05.2021).

Пол К.-Х. Китайские и западные ценности: размышления о методологии межкультурного диалога. *Век глобализации*, 2012, No. 1, 94–103.

Почагина О. В. Семья: новые формы — иные ценности. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/analit06.php> (дата обращения: 20.05.2021).

Прозоров В.Г. Эми Тан «Клуб радости и удачи». В кн: *Ступени свободы. Очерки истории и литературы США 1950–2000*. Петрозаводск: КГПУ, 2001. С. 245–250.

Солдатова Г.У. Диагностика типов этнической идентичности. В кн.: Бодалев А.А. (Ред.). *Психология общения: Энциклопедический словарь*. М.: Когито-центр, 2011. С. 511–515.

Староверова Е.В. Азиатско-американская литература. Эми Тан («Клуб веселой удачи»), Дж. Барт. В кн: *Американская литература*. Саратов: Лицей, 2005. URL: <http://www.licey.net/lit/american/tan> (дата обращения: 26.05.2021).

Сюй Х. Особенности китайского национального характера Ч. 2. *Молодой ученый*, 2011, 3 (26), 190–192. URL: <https://moluch.ru/archive/26/2645/> (дата обращения: 23.05.2021).

Тан Э. *Клуб радости и удачи*. М.: АСТ, 2016.

Тан Э. *Кухонный бог и его жена*. СПб.: Аркадия, 2020.

- Тан Э. Сто тайных чувств. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2003.
- Тан Э. Пройти по краю мира. СПб.: Аркадия, 2021.
- Тан Э. Долина забвения. СПб.: Аркадия, 2021.
- Тань А. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Титаренко М.Л. (Ред.). Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Восточная литература, 2006.
- Ту Вэймин. Разные взгляды на современность. Век глобализации, 2014, No. 1, 3–12.
- Фан Ян. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира. Известия Томского политехнического ун-та, 2013, 323 (6), 250–256.
- Фусу Л.И. Концепция лиминальности: подходы, сущность, понятия, характеристики проявления в обществе на современном этапе. Философские науки, 2018, 3 (28), 143–148.
- Чжу Жуйшуан. Особенности китайской картины мира. Вопросы психолингвистики, 2015, No. 23, 233–237.
- Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008, 5 (2), 32–37.
- Яськова А.В. Концепт «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира. Вестник ВГУЭС, 2017, 9 (1), 237–245.
- Hofstede G.H., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind. London: McGraw-Hill. 2010. Pp. 137–187.

REFERENCES

- Avhodeeva, E.A. (2014). K voprosu o formirovanii mehanizma nacionalno-kulturnoj identichnosti Kitaya [On the formation of the mechanism of national and cultural identity in China]. *Izvestiya VGPU*, 8 (93), 32–37.
- Anohina, E.S. (2012). Kitajskiye diaspory SSHa i Kanady i «novaya» kitajskaya migraciya [Chinese diasporas in the USA and Canada and the “new” Chinese migration]. *Bulletin TGU*, no. 355, 51–54.
- Berger, P., Huntington, S. (Eds.). (2004). *Mnogolikaya globalizaciya* [Many globalizations]. М.: Aspekt Press.
- Burov, V.G. (2000). *Kitaj i kitajcy glazami rossijskogo uchenogo* [China and the Chinese Through the Eyes of a Russian Scientist]. М.: IFRAN.
- Vasilyev, L.S. (1978). Nekotorye osobennosti sistemy myshleniya, povedeniya i psihologii v tradicionnom Kitae [Some features of the system of thinking, behavior and psychology in traditional China]. In: *Kitaj: tradicii i sovremennost'* [China: Traditions and Modernity] (pp. 52–82). М.: Nauka.
- Verner, E. (2005). *Mify i Legendy Kitaya* [Myths and Legends of China]. М.: Centrpoligraf. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=144688&p=3> (accessed 1 June 2021).

Go Pintin (2016). *Reprezentaciya semejno-brachnyh tradicij v ruskoj yazykovej kartine mira (na fone kitajskoj yazykovej kartiny mira)* [Representation of family and marriage traditions in the Russian linguistic picture of the world (against the background of the Chinese linguistic picture of the world)]. *Bulletin of the Bashkir University*, 21 (4), 979–989.

Dagbayeva, S.B. (2015). Stanovlenie sistemy cennostnyh oriyentacij lichnosti v processe etnicheskoj socializacii [Formation of the system of personal value orientations in the process of ethnic socialization]. *Bulletin KGU*, 1 (61), 122–127.

Kitajcy v SShA. Sem'i tradicii i chislennost' [Chinese in the USA: families, traditions and number]. URL: <https://usa.e-migration.ru/istoriya-ssha/kitajcy-v-ssha.html> (accessed 1 June 2021).

Kovtun, E.V. (2013). Mezhekulturnaya kommunikaciya i tradicionnye cennosti v sovremennoj vysshej shkole Kitajskoj narodnoj respubliki [Intercultural communication and traditional values in modern graduate school of the People's Republic of China]. *Naukovedeniye*, (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhekulturnaya-kommunikatsiya-i-traditsionnye-tsennosti-v-sovremennoj-vysshey-shkole-kitayskoj-narodnoj-respubliki> (accessed 1 June 2021).

Kon, I.S. (1982). Psihologiya polovyh razlichij [Psychology of gender differences]. In: Gippenrejter Yu.B., Romanov V.Ya. (Eds.) *Psihologiya individualnyh razlichij* [Psychology of individual differences]. M.: Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.

Korneyeva, T.A. (2018). Sohraneniye kulturnoj pamyati v usloviyah emigracii (na primere romanov E. Tan) [Preservation of cultural memory in the conditions of emigration (on the example of E. Tan's novels)]. *Epoha nauki*, no. 13, 111–116. doi: 10.1555/2409-3203-2018-0-13-111-116

Krasovskaya, N.R. (2020). Etnokul'turnye osobennosti gendernoj identichnosti. *Mir pedagogiki i psihologii*, 11 (52). Available at: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/etnokulturnye-osobennosti-gendernoj-identichnosti.html> (accessed 1 June 2021). doi: 10.35634/2587-9030-2020-4-2-205-210

Kuz'menko, E.B., Skvorcova, I.A., Tereshkova, N.S. (2015). Osobennosti vzaimootnoshenij v kitajskoj seme [Peculiarities of relations in the Chinese family]. *Molodoy uchenyj*, 19 (99), 99–102. Available at: <https://moluch.ru/archive/99/22345/> (accessed 1 June 2021).

Naumenko, M.V. (2013). *Osobennosti predstavlenij molodyh lyudej s razlichnoj etnicheskoj identichnost'yu o polotipichnyh i krosspolotipichnyh harakteristikah* [Features of the ideas of young people with different ethnic identities about polytypical and crosspolytypical characteristics]. Available at: https://www.confcontact.com/2013_04_11/6_Naumenko.htm (accessed 1 June 2021).

Pol, K.-H. (2012). Kitajskiye i zapadnye cennosti: razmyshleniya o metodologii mezhekul'turnogo dialoga [Chinese and Western values: reflections on the methodology of intercultural dialogue]. *Vek globalizacii*, no. 1, 94–103.

Pochagina, O.V. (n.d.) *Semia: novye formy — inye cennosti* [Family: new forms — new values]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/analit06.php> (accessed 1 June 2021).

Prozorov V.G. (2001). Amy Tan «Klub radosti i udachi» [Amy Tan “Joy Luck Club”]. In *Stupeni svobody. Ocherki istorii i literatury USA 1950–2000* (pp. 245–250). Petrozavodsk: KGP.

- Soldatova, G.U. (2011). Diagnostika tipov etnicheskoy identichnosti [Diagnostics of ethnic identity types]. In Bodalev, A.A. (Ed.). *Psihologiya obshcheniya. Enciklopedicheskiy slovar'* [Psychology of Communications: Encyclopedia] (pp. 511–515). Moscow: Kogito-centr.
- Staroverova, E.V. (2005). Aziatsko-amerikanskaya literatura. Emi Tan («Klub veseloj udachi»), Dzh. Bart [Asian-American Literature. Amy Tan (“Joy Luck Club”), J. Barth]. In *Amerikanskaya literatura* [American Literature]. Saratov: Licej. URL: <http://www.licej.net/lit/american/tan> (accessed 1 June 2021).
- Syuj, H. (2011). Osobennosti kitajskogo nacionalnogo haraktera [Peculiarities of the Chinese national character]. *Molodoj uchenyj*, 3 (26), 190–192. URL: <https://moluch.ru/archive/26/2645/> (accessed 1 June 2021).
- Tan, E. (2016). *Klub radosti i udachi* [Joy Luck Club]. Moscow: AST.
- Tan, E. (2020). *Kuhonnyj bog i ego zhena* [The Kitchen God's Wife]. SPb.: Arkadiya.
- Tan, E. (2003). *Sto tajnyh chuvstv* [The Hundred Secret Senses]. Moscow: B.S.G.-Press.
- Tan, E. (2021). *Projti po krayu mira* [Walk around the Edge of the World]. SPb.: Arkadiya.
- Tan, E. (2021). *Dolina zabveniya* [The Valley of Amazement]. SPb.: Arkadiya.
- Tan', A. (2004). *Kitayskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mentalnost'* [Chinese Worldview: Language, Culture, Mentality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Titarenko, M.L. (Ed.). (2006). *Duhovnaya kul'tura Kitaya: Enciklopediya* (Vols. 1–5) [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Tu, Vejmin (2014). *Raznyye vzglyady na sovremennost'* [Different views on modernity]. *Vek Globalizacii*, no. 1, 3–12.
- Fan, Yan. (2013). Koncept «sem'ya» v russkoj i kitajskoj yazykovyh kartinah mira [The concept of “family” in the Russian and Chinese language pictures of the world]. *Izvestiya Tomskogo politehnicheskogo universiteta*, 323 (6), 250–256.
- Fusu, L.I. (2018). Konceptiya liminal'nosti: podhody, sushchnost', ponyatiya, harakteristiki proyavleniya v obshchestve na sovremennom etape [The concept of liminality: approaches, essence, concept, characteristics of manifestation in society at the present stage]. *Filosofskije nauki*, 3 (28), 143–148.
- Chzhu, Zhujshuan (2015). Osobennosti kitajskoj kartiny mira [Features of the Chinese picture of the world]. *Voprosy psiholingvistiki*, no. 23, 233–237.
- Schwarc, Sh. (2008). Kul'turnye cennostnye oriyentacii: priroda i sledstviya nacionalnyh razlichij [Cultural value orientations: the nature and consequences of national differences]. *Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*, 5 (2), 32–37.
- Yas'kova, A.V. (2017). Koncept «lyubov'» v russkoj i kitajskoj yazykovyh kartinah mira [The concept of “love” in the Russian and Chinese language pictures of the world]. *Vestnik VGUES*, 9 (1), 237–245.
- Hofstede, G.H., Hofstede, G. Ja, Minkov, M. (2010). *Cultures and organizations: software of the mind* (pp. 137–187). London: McGraw-Hill.